

ПРОБЛЕМА ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПРАВОВОГО СТАТУСА В РЕЛИГИОЗНОЙ ПОЛИТИКЕ КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

С.Г. Иванов – канд. полит. наук, докторант

Освещается мировой опыт взаимоотношений государств и религиозных организаций, действующих в них. Ставится проблема необходимости научного осмысления политико-правового статуса религиозных организаций в Кыргызской Республике.

Ключевые слова: республика, религия, право, статус.

Демократизация общественных отношений в Кыргызской Республике явилась стимулирующим фактором возрождения духовности граждан. На смену научному атеизму пришло развитие религиозных социальных институтов. В этих условиях одним из приоритетных направлений политики государства в сфере отношений с религиозными объединениями является законодательное закрепление статуса религиозных организаций. Оно может дать возможность государству опереться на традиционные религиозные организации в сферах культурного воспитания населения, развития национально-культурных традиций, повышения нравственной и, как следствие, правовой культуры, духовно-нравственного и патриотического образования и др.

В мировой практике статус государственной религии и традиционной религиозной организации имеют определенные существенные отличия. Признаками государственной религии являются: государственное финансирование всех ее расходов; управление делами религиозной организации государственными органами; только священники государственной религии имеют право вести службы в тюрьмах и образовательных учреждениях; только священники государственной религии приглашаются на официальные государственные мероприятия; руководство государственной религии активно вмешивается в дела государства и т.д.

Разделение всех действующих в стране религиозных объединений по времени создания, численности приверженцев и распространению по территории страны является шагом логичным и имеет место быть в законодательствах многих стран. Так, в Англии традиционной религией является англиканская, в Израиле – иудейская, в Боливии и Аргентине – римская апостольская католическая религия. Такое положение сложи-

лось в этих странах исторически, оно отражает глубокое убеждение народа в благотворном воздействии религии на политику и общественную мораль. Впрочем, во всех указанных странах гарантируется свобода вероисповедания и наряду с государственной существуют другие конфессии.

Ислам признан государственной религией в Пакистане, Иране, Саудовской Аравии, Египте, Иордании и других странах. Так, ст. 2 Постоянной конституции Арабской Республики Египет 1971 г. закрепила: “Ислам – государственная религия, арабский язык – официальный язык государства. Положения мусульманского права – шариата являются основой законодательства”. Конституция Иордании от 8 января 1952 г. также установила, что “...Ислам является религией Государства”. В Саудовской Аравии, Кувейте, Бахрейне, Объединенных Арабских Эмиратах, Ливии, Судане и Иордании, населенных в основном мусульманами, законодательное закрепление за исламом статуса государственной религии не требуется в силу того, что конституционно-правовой статус господствующей религии опирается на мощную практику обычного права, глубоко укорененного в психологическом, историческом и этнокультурном типе граждан этих стран.

В законодательстве Норвегии, Дании, Аргентины, Великобритании и др. либо закрепляется статус государственной за определенной религией, либо присутствуют его черты. В других государствах выделены и наделены соответствующим конституционно-правовым статусом традиционные религии.

В тех странах, где никакая религия не имеет юридического статуса государственной, официальной или хотя бы традиционной (ФРГ, Япония и др.), одна из существующих церквей, как правило, проявляет стремление создать для себя

предпочтительное, преобладающее положение в общегосударственном или региональном масштабе. При этом используется не только многовековая традиция значительной части населения, но и полуофициальная поддержка со стороны властей.

Англиканскую церковь в Англии и Пресвитерианскую церковь в Шотландии возглавляет британский монарх, который назначает на высшие церковные должности и оказывает влияние на церковную политику.

Статья 2 Конституции Аргентины закрепляет, что Федеральное правительство поддерживает Римскую апостольскую Католическую Церковь.

Конституция Болгарии 1991 г. устанавливает свободу вероисповеданий, отделение религиозных организаций от государства, запрет на использование религиозных общностей и организаций, как и религиозных убеждений, в политических целях (ч. 1, 2, 4 ст. 13) и на образование политических партий на религиозной основе (ч. 4 ст. 11). Последнее предписание имеет в виду турецко-мусульманское меньшинство в Болгарии. Вместе с тем установлено, что “традиционной религией в Республике Болгарии является восточно-православное вероисповедание” (ч. 3 ст. 12).

Статья 3 Конституции Боливии устанавливает, что государство признает и поддерживает римскую апостольскую католическую религию. Гарантируется возможность публичного отправления любого другого культа. Отношения с Католической Церковью регулируются посредством соглашений, заключенных между боливийским государством и святым престолом.

Конституция Федеративной Республики Германии признает религиозное обучение обязательным в государственных школах (ст. 7 Основного Закона ФРГ), причем речь идет именно о лютеранстве, а отнюдь, скажем, не о системе “Живой Этики” или о чем-нибудь подобном, как это все чаще имеет место в России.

Конституция Греции, написанная в 1975 г., содержит целый ряд статей, регламентирующих отношение к монастырским землям и имуществу. В третьей, важнейшей в данном контексте, статье этого закона сказано следующее: “Господствующей в Греции религией является религия Восточно-Православной Церкви Христовой. Православная Церковь Греции, признающая своим главой господина нашего Иисуса Христа, неразрывно связана в своих догматах с Великой Константинопольской Церковью и со всякой другой единоверной Церковью Христовой, неуклонно

соблюдает, так же, как и они, святые апостольские и соборные каноны и священные традиции. Она является автокефальной и управляется Священным Синодом архиереев, находящихся на церковной службе, и избираемым ими Постоянным Священным Синодом, который создается в порядке, определяемом Уставом Церкви, с соблюдением положений Патриаршего тома от 29 июня 1850 г. и акта Синода от 4 сентября 1928 г.”.

Категорично выражены отношение государства к религии и вере и религиозные предпочтения государства в конституциях Дании, Исландии и Ирландии.

Параграфы 4 и 6 Конституции Королевства Дании закрепили: “Евангелическая Лютеранская Церковь является Официальной Церковью Дании и, как таковая, пользуется поддержкой государства”; “Король должен быть членом Евангелической Лютеранской Церкви”. В Дании глава королевского дома является официальным главой государственной церкви.

В Основном законе Ирландии сказано, что: “...Государство признает особое положение святой католической апостольской Римской Церкви как хранительницы религии, исповедуемой значительным большинством его граждан...” (ст. 44 Конституции Ирландии от 29 декабря 1937 г.).

Статья 62 Конституции Республики Исландия устанавливает: “Евангелическо-Лютеранская Церковь является Государственной Церковью и как таковая пользуется поддержкой и покровительством государства”.

В Израиле отсутствует явно закрепленное в законодательстве господствующее положение той или иной религии. Однако статья 4а Закона о возвращении устанавливает, что право на репатриацию в Израиль имеет любой еврей, но лишь в том случае, если он не исповедует иную религию. Верховный суд Израиля постановил (дело “Руфайзен против Государства Израиль”), что все евреи, перешедшие в христианство, теряют право на репатриацию в Израиль.

В Испании Единый закон о религиозной свободе “в качестве единственного ограничения” принципа религиозной свободы провозглашает “защиту прав остальных на осуществление их свобод и основных прав, а также на защиту безопасности, здоровья, общественной морали, определяющих основы общественного порядка”. Тот же закон говорит о возможности особых “соглашений и договоров о сотрудничестве испанского государства с теми же церквями и религиозными общинами, которые, судя по сфере их деятельности и числу верующих, получили

явное укоренение в Испании”. В Испании, помимо традиционной Католической Церкви, только Федерация евангелистических общин, Федерация израильских общин и Исламская комиссия имеют соглашения с правительством, обеспечивающие неприкосновенность мест поклонения и погребения, уважение религиозных правил, определенные налоговые льготы.

В Италии, где Церковь официально отделена от государства, последнее регулирует свои отношения с католической религией при помощи специальных соглашений и законов, в частности “Нового Конкордата” 1984 г. Однако и здесь в самой Конституции основная религия страны названа и определена: “Государство и Католическая Церковь независимы и суверенны в принадлежащей каждому сфере” (ст. 7). Следовательно, Конституция делит все религии на два разряда: “католическая” (ст. 7), с которой государство заключает Конкордат, и не католические религии (ст. 8). Мотивация сотрудничества государства с Католической Церковью в ст. 9 Конкордата сформулирована следующим образом: “Итальянская Республика, признавая ценность религиозной культуры и учитывая, что принципы католицизма являются историческим наследием итальянского народа...”. При том, что Конституция Италии устанавливает: что граждане равноправны без различия религии (ст. 3), что все религиозные исповедания в равной мере свободны перед законом (ч. 1 ст. 8), она содержит отдельные положения о католической церкви и иных церквях: о том, что государство и католическая церковь независимы и суверенны в принадлежащей каждому из них сфере, а их отношения “регулируются Латеранскими договорами” (ст. 7), что не католические вероисповедания имеют право создавать свои организации согласно своим уставам, поскольку они не противостоят итальянскому правовому порядку, а их отношения с государством определяются законом на основе соглашений с органами, представляющими эти вероисповедания (ч. 2, 3 ст. 8 Конституции Италии).

В законодательстве Монголии (1993 г.) было закреплено господствующее положение буддизма и запрещено “проводить деятельность, чуждую традициям и обычаям монгольского народа”.

Статья 2 Конституции Норвегии устанавливает, что евангелическая лютеранская религия является официальной государственной религией в Норвегии. Все расходы по управлению Церковью Норвегии покрываются государством

и муниципальными властями за счет государственных налогов. Последователями Церкви Норвегии являются 83% населения. Светские чиновники контролируют внутренние дела Церкви. Норвежские государственные детские сады и школы обязаны по закону преподавать всем ученикам “Мораль и Христианское воспитание”. Церковь Норвегии управляет всеми государственными кладбищами, только священников Церкви Норвегии привлекают для обслуживания вооруженных сил, государственных больниц и госпиталей, а также тюрем, только священники Церкви Норвегии приглашаются на мероприятия государственной службы и народные праздники.

Параграф 83 Конституции Финляндии выделяет Евангелическо-Лютеранскую Церковь в качестве приоритетной с точки зрения предпочтений государства: “Организация евангелическо-лютеранской церкви и управление ею определяется законом о церкви. Что касается других, уже существующих религиозных обществ, то в отношении них действует то, что установлено или будет установлено. Основание новых религиозных обществ разрешается при соблюдении по этому вопросу закона”.

В Швеции глава королевского дома является официальным главой государственной церкви.

Преамбула Закона Республики Армения “О свободе совести и религиозных организациях” закрепляет Армянскую апостольскую церковь как национальную церковь армянского народа: “Руководствуясь Декларацией о независимости Армении, учитывая духовное пробуждение армянского народа, его вековой духовный опыт и традиции, признавая Армянскую апостольскую церковь как национальную церковь армянского народа, важный оплот созидания его духовной жизни и сохранения нации, руководствуясь установленными международными нормами – принципами прав и основных свобод человека и сохраняя приверженность положениям ст. 18 Международного пакта о гражданских и политических правах, Верховный Совет Республики Армения принимает настоящий Закон о свободе совести и религиозных организациях”. Статья 6 Закона Республики Армения “О свободе совести и религиозных организациях” гласит: “На территории Республики Армения действуют: Армянская апостольская церковь (сокращенно – Армянская церковь) с ее традиционными организациями; другие религиозные организации, создаваемые и действующие среди своих верующих членов – согласно собственному имуществу и уставу”.

В Грузии Парламент внёс 30 марта 2001 г. в Конституцию дополнение, согласно которому между государством Грузия и Автокефальной Православной Апостольской Церковью Грузии установлены конкордатные отношения. Эти отношения будут регулироваться специальным Конституционным соглашением.

В своем выступлении 2 апреля 2001 г. по национальному радио с официальным заявлением об изменении Конституции страны Президент Грузии Эдуард Шеварднадзе подчеркнул, что “права других религиозных организаций и атеистов” не будут ущемлены. За введение конкордатной системы проголосовало 188 депутатов грузинского парламента, как пропрезидентские, так и оппозиционные. Проект Соглашения регламентирует отношения Церкви и Государства и затрагивает следующие темы: армию, исправительно-трудовые учреждения, медицинские учреждения, образование, социальную деятельность, брак, имущественные отношения и финансирование церкви.

Основные положения сформулированы следующим образом: Церковь свои функции выполняет на основе норм канонического права, в рамках настоящего Соглашения и в рамках законодательства Грузии; духовные лица не подлежат призыву в армию; представители духовенства имеют право не давать показания по фактам, которые им доверили как духовным наставникам или которые им стали известны; государство признает брак, зарегистрированный Церковью; государство обеспечивает создание института военных священников в армии; государство обеспечивает создание института капелланов в тюрьмах; учебные программы предмета по православному вероисповеданию и кандидатуры преподавателей утверждает государство по представлению Церкви; государство и Церковь имеют право осуществлять совместные программы социального обеспечения; имущество Церкви освобождено от налога на землю и от налога на имущество; собственность Церкви и другие имущественные права защищены законом; государство не имеет право отчуждать от Церкви её имущество; Церковь имеет право получать пожертвования, а также доходы от передачи своего имущества в аренду. Проект Конституционного соглашения был опубликован на грузинском языке в трёх редакциях. Работа над текстом будет продолжена. Последний вариант отправлен на экспертизу в Парламентскую ассамблею Совета Европы. Консультации с Советом Европы по поводу конкордата носят необязательный характер, так как многолетняя

практика заключения конкордатов между различными государствами и Католической Церковью указывает на её легитимность.

Только за время нынешнего понтификата Ватикан заключил около 60-ти двухсторонних дипломатических договоров с европейскими партнёрами. Так что обращение Грузии в Совет Европы можно интерпретировать либо как “подстраховку”, либо как знак уважения к европейским традициям.

Конституция Литовской Республики гласит: “Государство признает традиционные в Литве церкви и организации, а другие... – в случае, если они имеют опору в обществе и их учение и обряды не противоречат закону и нравственности” (ст. 43)¹.

Нужна ли нашей стране государственная религия? Нужно ли нам правовое закрепление традиционности или нетрадиционности религиозных организаций, действующих в Кыргызстане? Эти вопросы являются одними из основополагающих в религиозной политике любого государства. Когда-нибудь кыргызское общество придет к пониманию необходимости выделения перечня традиционных религиозных организаций, что позволит коренным образом изменить сложившуюся сегодня ситуацию, когда, с одной стороны, значительный потенциал традиционных для Кыргызстана религиозных организаций практически не используется государством в деле духовно-нравственного образования и воспитания населения, а с другой стороны – всевозможные маргинальные и экстремистские религиозные группы во многих случаях не встречают препятствий для проведения своих сомнительных инициатив, выливающихся в случаи нарушений прав граждан, законов и ситуации межрелигиозного противостояния.

Данный вопрос на сегодняшний день в нашей стране не получил должного научного осмысления. В России попытка закрепления в системе права идеи придания разной статусности религиям – “традиционности – нетрадиционности” религиозных объединений была иницирована и осуществлена в 2001 г. кафедрой религиоведения РАГС в виде концепции отношений государства с религиозными объединениями. Однако эта концепция не была поддержана российским руководством.

Сама постановка проблемы вызывает диаметрально противоположные мнения среди ученых,

¹ Понкин И.В. Правовой статус традиционных религий. Мировой опыт. – <http://www.orthodoxia.org/lib/1/1/5/20.aspx>

правозащитников, представителей СМИ, чиновников и в прочих заинтересованных кругах.

К примеру, сопредседатель Совета Института свободы совести (Москва) С.А. Бурьянов 8 июня 2007 г. в публичном выступлении заявил о некорректности постановки проблемы о “специальном” контроле за деятельностью религиозных организаций и выработке “религиозной политики”, так как уже существует контроль за юридическими лицами, а в светском государстве не может быть религиозной политики, которая незаконна и антиконституционна. По его мнению, в светском, т.е. мировоззренчески нейтральном, государстве должна реализовываться политика в сфере свободы совести как свободы мировоззренческого выбора. Он также подверг критике действующий в России институт религиоведческой экспертизы, мотивируя это тем, что в законодательстве не существует правового определения религии (в религиоведении их более двухсот), а потому эксперты определяют религию в соответствии с собственными представлениями о ней. Это предопределяет нарушения прав людей на свободу совести и свободу вероисповедания и способствует коррупции. Отсюда следует, что религиоведческой экспертизе придавать расширительный статус нельзя.

С другой стороны, 24 мая 2007 г. в Институте государства и права (ИГП) Российской академии наук состоялась защита диссертации на тему “Государственный контроль за религиозными объединениями в Российской Федерации (административно-правовые аспекты)”. Работа была выполнена в секторе административного права Института государства и права РАН. Диссертант Ф.А. Куприянов получил ученую степень кандидата юридических наук¹.

Диссертант предложил “ужесточить механизмы контроля за религиозными объединениями и их деятельностью, для чего поделить организации на традиционные и нетрадиционные с приданием им разного статуса и прав и ужесточить религиоведческую экспертизу, которая должна сопровождать религиозное объединение на протяжении всего периода его деятельности. Для этого создать специальный контролирующий орган при Федеральной регистрационной службе”. Куприянов предлагает также «усилить контроль за новыми “нетрадиционными” конфессиями и другими религиозными объединениями по аналогии с таможенным законодатель-

¹ *Маринин Н.* Юриспруденция как служанка “сектоведения”. – “Портал-Credo.Ru” – <http://www.portal-credo.ru/site/print.php?act=news&id=54744>.

ством», т.е., по его мнению, “следует установить для них разные режимы контроля”.

Далее Ф.А. Куприянов выдвинул идею введения в Федеральный закон “О свободе совести и о религиозных объединениях” (1997 г.) нормы, согласно которой при совершении со стороны руководителей религиозных организаций деяний, наказуемых в уголовном порядке, последние должны нести ответственность как руководители преступных сообществ. Хотя подобное в современной науке решается отрицательно.

Один из оппонентов на этой защите, В.В. Балытников, высказал мнение о том, что “сегодня полностью отсутствует административно-правовая разработка проблемы эффективного осуществления контроля за деятельностью религиозных организаций”. Данное высказывание в полной мере применимо к ситуации в нашей стране. К примеру, о необходимости постоянного мониторинга деятельности неподконтрольных ДУМК иностранных имамов заявил Верховный муфтий Мураталы ажи Жуманов в своем выступлении при проведении аттестации исламских священнослужителей в мае 2008 г.

Надо признать, что сегодня политика государственного атеизма замещается религиозной вседозволенностью, когда имеет место не только религиозное возрождение, но и разрастаются различные деструктивные религиозные движения. Эти движения не только ведут масштабную антиобщественную антигосударственную пропаганду, но и занимаются экстремистской деятельностью. Религиозный радикализм характерен для всех религиозных течений. Кроме исламского экстремизма в последнее время радикальные антигуманные убеждения стали распространяться и среди определённой части маргинальных псевдоправославных. Протестантизм тоже не свободен от подобного рода псевдохаризматических тенденций. Это касается всех религиозных течений, и даже буддисты не являются исключением.

Следовательно, в интересах безопасности народа и государства нужен государственный контроль над деятельностью религиозных объединений. Для его осуществления необходимо дать ответы на целый ряд основополагающих вопросов. Чем вызвана необходимость специального и более жёсткого контроля над религиозными объединениями? Каковы критерии контроля над религиозной деятельностью? Нужна ли Кыргызстану государственная или государственные религии? И какими должны быть правовые критерии государственности и “традиционности – нетрадиционности” религий?